

Падык Валерий
Пряшевский университет
Пряшев, Словакия

Повышение статуса карпато-русинского языка до уровня литературного (письменного) стандарта в Украине (2004–2014)

Литературный (письменный) стандарт – подкарпатские русины – кодификация

Данная публикация продолжает многолетние социолингвистические наблюдения автора за становлением литературного (письменного) стандарта карпаторусинского языка в Закарпатской области Украины после 1991 года (ПильченкоИльченкоИльченкоадык 2003а, 2003б, 2005). В 1944 г. была ликвидирована национальность «русин» как устаревший (по мнению советско-украинских идеологов) этнический самоидентификатор, уступивший место украинскому национальному самосознанию местного населения (Падык 2016). Запрет на национальность повлек за собой запрет на карпаторусинский язык — полное исключение из употребления его письменных проявлений и максимальная локализация устной речи исключительно в сфере межличностных неформальных отношений и бытования фольклора.

Предметом настоящего исследования является период украинского общества — между 1991 и 2014 гг. Что касается непризнания карпаторусинского языка уже после Майдана (в так называемый период постмайданной Украины) и усиления русино-

фобских тенденций в последний год-два, данное явление нельзя относить исключительно на возросшую роль праворадикальных настроений политических элит. Вероятно, речь идет о пролонгации предыдущей государственной политики, нацеленной на полную и

---

1 Назовем несколько, на наш взгляд, наиболее существенных инициатив украинского политикума и общественных организаций праворадикальной ориентации, начиная с февраля 2014 г., направленных на ликвидацию статуса карпаторусинского языка в Украине: (1) 23 февраля 2014 г. (в первые же дни после победы Майдана) Верховная Рада (парламент) отменила закон «Об основах государственной языковой политики» (2012). Данный закон гарантировал карпаторусинскому языку статус регионального языка. (Впервые в своей истории этим законом Украина признавала существование карпаторусинского языка отдельно от украинского). 3 марта 2014 года и.о. президента Украины А. Турчинов на решение парламента наложил вето — до принятия нового закона о языковой политике. Новый закон не принят, а старый не действует, так как был принят с нарушением Конституции Украины. Добавим, что отмена закона в 2014 г. спровоцировала русский сепаратизм на востоке страны. (2) 17 ноября 2016 г. Конституционный Суд Украины начал рассмотрение дела относительно конституционности Закона Украины «Об основах государственной языковой политики» 2012 г. Заслушаны эксперты-украинисты. Так, директор Института украинского языка НАН Украины д.ф.н., проф. П. Грищенко подчеркнул, что «русинство на Закарпатье — это результат целенаправленной деятельности ЦРУ», а «русинское самосознание в плане чисто языковом — это абсолютная фикция». Также д.ф.н. И. Фарион подчеркнула, что «русинский язык не имеет ни фонетической, ни лексико-семантической, ни грамматической самостоятельной системы и является одним из юго-западных диалектов украинского языка». И хотя суд еще не закончился, ожидается, что карпаторусинский язык будет вычеркнут из перечня языков национальных меньшинств Украины. (3) В 2017 г. вышла книга украиниста Л. Белея «Русинський сепаратизм: націєтворення *in vitro*» (2017; 392 с.), работа над которой профинансирована Государственным фондом фундаментальных исследований (130 тысяч грн., эквивалент \$6190). Кроме всего прочего, автор предложил во время будущей Всеукраинской переписи населения 2020 г. подкарпатским русинам, кто не желает себя идентифицировать украинцем, в судебном порядке запретить записываться русинами, поскольку термин «русин» является... «достоянием украинской культуры».

безвозвратную ассимиляцию карпатских русин в Украине.¹

Несмотря на то, что данные статистической переписи населения, которая в последний раз проводилась в 2001 г., устарели, эксперты предполагают, что демографическая ситуация в Закарпатской области кардинальным образом не изменилась и сохранились старые тенденции к незначительному снижению численности населения, главным образом, за счет падения рождаемости и сезонной трудовой миграции.² Можно предполагать, что баланс этносов в регионе при этом (до результатов следующей переписи, которая неоднократно переносилась, а ныне запланирована на 2020 г.) сохранился.

Нет никакой уверенности, что во время будущей переписи населения карпатские русины будут учтены отдельно от украинцев. Скорее всего, украинская власть, как и прежде, даже тех, кто будет декларировать свою карпаторусинскую национальность, в соответствии с заключением Национальной Академии наук Украины отнесет к украинской национальности («отдельная этнографическая группа украинского этноса»).

Эксперты предполагают, что в Закарпатской области ныне проживают приблизительно 800–850 тысяч этнических карпаторусин, что составляет около 67% от общей численности населения Закарпатской области. Карпаторусины проживают в более чем 500 селениях края и являются доминирующим большинством почти во всех районах области. Соответственно детей школьного возраста карпаторусинской национальности в области около 115 тысяч учеников. При этом официальная статистика по результатам переписи 2001 г. зафиксировала всего 10100 жителей карпаторусинской национальности (С точки зрения карпаторусинских общественных организаций и экспертов, эта цифра явно занижена).

В данной статье мы сосредоточим внимание на временном отрезке в десять лет — с 2004 по 2014 гг., поскольку ранний этап, т.е. время с 1991 по 2004 гг., уже был объектом нашего исследова-

---

² Закарпатское государственное управление статистики по состоянию на ноябрь 2017 г. оценивает численность населения Закарпатской области в 1 млн 258 тысяч человек.

ния, а его результаты опубликованы (Падык 2006).

Необходимо отметить, что данная проблематика характерна также для иных сопредельных регионов (как в составе Евросоюза — Словакия, Польша, Венгрия, Чехия, Румыния, Хорватия, так и вне его — Сербия), где также на своих исторических территориях проживают (карпато)русины. Однако в силу признания национальности «русин» после 1989 г. (для Сербии и Хорватии — в 1920-х г.) и ряда позитивных перемен (кодификация регионального стандарта карпаторусинского языка, финансовая и моральная поддержка, внедрение школьной системы образования и т.д.), карпаторусинские национальные меньшинства в тех державах добились впечатляющих результатов. Дальнейшие результаты развития карпаторусинского литературного (письменного) стандарта зависят на территориях вне Украины исключительно от инициативности карпаторусинской интеллигенции в этих странах.

Что касается Украины, то ни о какой государственной поддержке карпаторусинского национального меньшинства здесь речь не идет.³ Равно как и о финансировании (из государственного или местных бюджетов) карпаторусинских школьного и университетского образования, книгоиздания, периодической печати и т.д. Хотя как на уровне государства, так и в местном бюджете Закарпатской области предусмотрена поддержка регионального книгоиздания — в рамках Программы поддержки произведений местных авто-

---

3 Исключение составляет ежегодное разовое финансирование в Закарпатской области областного карпаторусинского фестиваля. Впрочем, средства разово выделяются на все национальные фестивали края — словацкий, венгерский, румынский, еврейский и немецкий.

4 Известен лишь один факт государственной поддержки карпаторусинского книгоиздания. Закарпатский областной совет (местный парламент Закарпатской области) по инициативе депутатов-русин в начале 2011 г. принял решение выделить 100000 гривен на издание шеститомного «Словаря Русинского языка» Ю. Чори, что вызвало недовольство в русинофобских кругах и явный бойкот профильного (подотчетного) управления — областного управления информации (В. Дрогальчук). Были подготовлены экспертные оценки — в Ужгородском университете и Институте украинского языка в Киеве. Их авторами стали специалисты-украинисты,

ров.⁴ В этой связи каждый карпаторусинский писатель, публицист, ученый должен уметь проявить менеджерские способности или же жертвовать на издание своей печатной продукции часть личных сбережений.

Несмотря на неблагоприятные политико-правовые последствия непризнания карпаторусинского этноса в Украине и, соответственно, непризнания карпаторусинского языка, за последние почти тридцать лет язык уверенно осваивает многие важные ниши литературного (письменного) стандарта. Ниже рассмотрим эти ниши формирования письменного стандарта, а именно:

- развитие художественной литературы;
- лексикографическая деятельность;
- подготовка грамматик;
- расширение ареала использования письменного стандарта:
  - а) воскресные школы;
  - б) периодическая печать;
  - в) научная печатная продукция;
  - г) издательские центры.

Развитие художественной литературы

На данном этапе карпаторусинская художественная литература в Закарпатской области Украины представлена творчеством двух десятков писателей, как известных и популярных, например: Василий Сочка-Боржавин (1922–2010), Михаил Чухран, Михаил Кеминь, Владимир Танчинец (1956–2016), Юрий Чори, Василий Молнар, Иван Ситар, Владимир Новак, Иван Петровций (1945–2016), Василий Матола, Иосиф Лемко, Михаил Град, Дмитрий Кешеля, так и менее известных или начинающих, например, Иван Фотул, О. Русин-Яринич, Ирина Жменяк, Клара Коворданий, Михаил Турок

однозначно выступающие против признания статуса карпаторусинского языка как самостоятельного. Благодаря жесткой позиции председателя областного совета Ивана Балогги, который во время очередной сессии заострил внимание на этой нерешаемой проблеме, было начато издание словаря в соответствии с уже осуществленным финансированием.

и др. Ими издано в 2004–2014 гг. более сорока книг поэзии и прозы.

Среди наиболее плодотворных писателей, чье творчество представлено несколькими томиками поэзии и прозы, важно отметить И. Петровция, И. Ситара, И. Лемка, Ю. Чори, В. Матолу и В. Новака. Так И. Петровций издал семь книг поэзии и прозы, например: «Послідні співанкы» (2004, 168 с.), «Переклади» (2005, 444 с.), «Співанкы» (2006, 466 с.), «Сто двадцять два стихи, написані восени 2008 года» (2009, 144 с.), «Трое з Осою» (2010, 170 с.), «Давні русинські слова. Давні русинські співанкы. Днишні мої співанкы» (2013, 344 с.), «Бумбурішкы» (2014, 270 с.).

Настоящим открытием стали переводы на карпаторусинский язык творческого наследия Сергея Есенина и перепевы украинского классика Степана Руданского, изданные поэтом И. Ситаром. Два полноформатных поэтических сборника, изданные им, выносят на суд читателя художественные переводы, но также оригинальную поэзию русинского автора («Товмацтва. Руданки. Стихи» (2010, 218 с.) и «Смійтеся, смійте з того, Русины!..» (2012, 306 с.)).

По-своему уникален В. Новак: его поэтическое творчество представлено на трех языках — карпаторусинском, украинском и русском. Автор очень продуктивен: почти ежегодно издает томик поэзии. Вышли восемь его книг, например: «Смерековий камінь» (2008, 138 с.), «Де вихор ходить спати» (2010, 100 с.), «Сонети для вас» (2012, 72 с.), «Тихий берег» (2013, 120 с.) и др.

Достойны более пристального внимания литературоведов и рецензентов также роман в стихах патриарха карпаторусинской литературы М. Кеміня «Изьянська русалка» (2006, 192 с.), «народный роман» Д. Кешели «Пацаловська республіка» (2011, 256 с.), трилогия малой прозы В. Молнара, куда вошли книги «Цукрики з материнськов наповнянков» (2009, 94 с.), «Запискы старого вандролуба» (2010, 94 с.) и «Потятка гнізда Голубинога» (2011, 154 с.), а также томик стихов и прозы В. Танчинца «Русине, віруй!» (2010, 64 с.).

Менее удачлив в плане издания своих поэтических сборников сатирик М. Чухран. Такое впечатление, что кроме одной тонкой книжицы для детей «Пітятко» (2010, 12 с.) и сборника стихов «Сім тайстринок» (2014, 522 с.), он ничего больше не издал. Вместе с тем его стихи давно заполнили интернет, завоевывая как старшую

читательскую аудиторию, так и молодежь. Легкий юмор, иронические нотки, интерес к пикантной тематике, никогда не переходящий черту фривольности, — свидетельство глубокого таланта. Вот почему составители литературных сборников и антологий отдают под творчество сатирика десятки страниц, например, антология, составленная И. Петровцем (Петровций 2009).

Появились в литературе новые имена. Иван Бинячовский, пишущий под псевдонимом Джон Бузаш, еще только пробует найти себя в поэзии. Не так давно появился его дебютный стихотворный сборник «Русинська тайстра» (2015, 40 с.). Опытный ученый-биолог, заведующий кафедрой энтомологии Ужгородского университета Владимир Рошко также недавно дебютировал; его поэтический сборник «Я дуркаву у ваші двері» (2015, 190 с.) демонстрирует читателю безграничные возможности карпаторусинского поэтического языка.

Безусловно, в современной русинской литературе доминирует поэзия, ее малые формы, хотя присутствуют также произведения большого формата — поэма и роман в стихах. Вместе с тем писатели в последние годы пробуют себя в прозе (В. Молнар, В. Танчинец, А. Купар и др.), а Ю. Чори — в драматургии. Он издал две книги сценических миниатюр, а именно: «Чорт на вечорницях» (2010, 76 с.) и «Нечуване місце» (2011, 264 с.).

К несомненным успехам следует также отнести издание в Закарпатье двух антологий, дающих общее представление о развитии современной карпаторусинскоязычной литературы и творчестве ее представителей. Речь идет об «Антології днишньої русинської літератури», составленной И. Петровцем (2009, 472 с.), и сборнике «Русинська пажить: Антологія русинських поетів Закарпаття» (2012, 400 с.). Для сравнения озвучим результат за этот же период в соседней Словакии, где также имеется карпаторусинская община. Согласно переписи населения 2011 г., карпаторусинский своим материнским языком в Словакии назвали 55 469 граждан. С 2004 по 2014 гг. там издано 6 антологий и литературных сборников, а также свыше 70 книг русинской поэзии и прозы (Ильченко 2007; Ильченко, Падык 2015).

Лексикографическая деятельность

Хороших словарей никогда не бывает много. Особенно если учесть что именно лексикографические издания (наравне с академическими грамматиками) являются важным аргументом в вопросе кодификации литературного (письменного) стандарта языка. В Сербии и Хорватии, а также в Словакии и Польше (карпато)русинский язык кодифицирован. Так или иначе, раньше или позже, в зависимости от политической составляющей национальной политики Украины, процесс кодификации карпаторусинского языка в Закарпатье окажется на повестке дня. Современные лексикографические издания — важное свидетельство богатства языка; они фиксируют современное состояние и процессы, происходящие в нем. Участие в создании современных словарей принимали Игорь Керча, Юрий Чори, Дмитрий Поп, Михаил Алмаший, Михаил Ухаль, Иван Сабадош и другие.

За последнее десятилетие издано более десяти всевозможных словарей — дву-, трех-, четырехязычных, орфографических и фразеологических, одно- двух- и даже пятитомных и даже словарей, фиксирующих лексику одного населенного пункта.

Отменно зарекомендовали себя два словаря, изданные в Ужгороде лексикографом Игорем Керчой. Двужычный (в двух томах) «Словник русинсько-руський. Русинско-русский словарь» (2007, т. 1, 608 с.; т. 2, 608 с.) включает более 58 тысяч слов. Также обратный словарь (в двух томах) «Русско-русинский словарь. Словник русько-русинський» (2012, т. 1, 580 с.; т. 2, 596 с.) включает 65 тысяч слов. Поскольку практически вся интеллигенция края среднего и старшего возраста владеет русским языком (языком межнационального общения в СССР), то воспользоваться словарем могут и те, кто пишет на карпаторусинском, но нуждается в дополнительной словарной информации, которую он почерпнет в обратном, русско-русинском словаре, но и те русскоговорящие исследователи, кто заинтересуется словарным богатством карпаторусинского языка. Ниже, в качестве примера, приведем одну словарную статью (имя существительное) из словаря И. Керчи:

бѣтарь т БС ЛЧ ОБ СП ЯГ =молодец, сокол; лихач, ухарь; *(збуйнік) =разбойник; повольник; *(дїтвѣк) =жулик; сорвиголова; *~ я паробок, // бо мам калап набук; // а я ~ -дівка, // бо я му фрайрка [Гшв]; **~ -дівка =бой-баба; сорвиголова; ***f *~ка=разбойница;

От других словарей русинского языка издания И. Керчи выгодно отличается академический подход. Слова размещены в гнездах (словарных статьях). Таких гнезд в русинско-русском словаре 54710. В каждом гнезде в строго регламентированном порядке вслед за заглавным словом подаются грамматические и стилистические пометки, альтернативные варианты, синонимические соответствия, стилистические варианты, идиомы, устойчивые выражения, пословицы и поговорки, и наконец — производные слова или вариант заглавного слова, исполняющий функцию самостоятельной части речи или семантической единицы.

Что важно, в подавляющем большинстве случаев в каждом гнезде вслед за соответствием (русским переводом) следуют цитаты, иллюстрирующие употребление слова, либо пометки, указывающие на основные источники (как правило, иные словари. Например, ЕБ — Е. Бокшай и кол. «Мадярьско-руський словарь», 1928). Как признается сам автор словаря во вступительной статье, «в совокупности более 85% гнезд содержит подтверждение из основных источников или в виде цитаты, менее 15% не имеет его. Это в значительной мере производные слова, отвечающие правилам русинского словообразования, т.е. косвенно подтвержденные» (Керча 2007: 39). Важно и качество цитат — они взяты из авторитетных литературных источников. Цитаты наглядным образом свидетельствуют о специфике словоупотребления, но зачастую также несут информацию о нюансах стиля и семантики, отсутствующих в основном списке.

Два двухтомных словаря Игоря Керчи — достойный вклад в развитие современной карпаторусинской лексикографии и, на наш взгляд, прекрасный пример верного служения своему народу. Автору удалось достигнуть качественного результата, поэтому карпаторусины ныне «могут убедиться воочию, что предки оставили нам самобытную, щедрую и красивую основу, пригодную для раз-

вития собственной литературы» (Керча 2007: 6). Остается только сожалеть, что средств, собранных автором, хватило на издание всего 150-ти (в первом случае) и двухсот (во втором) экземпляров. Тираж был раскуплен в считанные недели и сразу же стал библиографической редкостью.

Следующим словарем данного типа стал изданный в 2007 г. в Ужгороде «Русинсько-українсько-руський и русско-украинско-русинский словарь», составленный Д. Попом (формат А4; 310 с.). В сравнении со словарями И. Керчи, данный трехязычный словарь можно отнести к разряду дилетантских. Это, скорее, подготовительный проект будущего словаря. Ниже, в качестве примера приведем одну словарную запись (имя прилагательное) из русинско-украинско-русской части словаря Д. Попа:

д́алшы́й – наступний – последующий (с. 57).

В словаре, во-первых, отсутствует какое-либо предисловие, объясняющее принцип составления словаря. Вместо введения, автор опубликовал внушительного объема (3 авторских листа) очерк истории Подкарпатской Руси. Нет также никакой дополнительной информации об объеме словарного состава, о правилах оформления словарной записи и о том, какой же целевой аудитории он адресован. Во-вторых, в самом тексте словаря после заглавного слова отсутствуют грамматические и стилистические пометки. Иногда, правда, автор снабжает заглавные слова дополнительными пометками, например: *пер.*, *спорт.*, *церк.* и другими, что обозначает «переносное значение», «спортивный термин», «церковный» и т.д. В-третьих, лексемы приведены почему-то не в начальной форме. Например, для имен существительных это всегда — единственное число, для глаголов — инфинитив, для прилагательных — мужской род единственного числа. По какой-то странной причине автор параллельно (впрочем, не всегда) вносит в словарь имена существительные и в единственном числе, и во множественном, имена прилагательные — и в мужском роде, и в среднем, глаголы (зачастую, но не всегда) — в инфинитиве и в иной форме. Например:

амбрела – зонтик – зонтик;
амбрелы – парасольки – зонтики (с. 41).

буйвол – буйвол – буйвол;
буйволы – буйволи – буйволы (с. 45).

гүркий – гіркий – горький;
гүркоє – гірке – горькое (с. 55).

буде – буде – будет;
была – була – была;
была́м – я була – я была;
быти – бути – быть (с. 45–46).

трафити – вцілити – попасть;
трафив – трапив – попал (с. 154).

упасти – впасти – упасть;
упав – упав – упал (с. 162).

Наконец, на месте заглавного слова в словаре Д. Попа может стоять что угодно: и слово, и словосочетание, и предложение, и идиома, и фразеологический оборот. Складывается впечатление, что автор решил соединить три в одном: и орфографический словарь, и русинско-украинско-русский, и словарь фразеологизмов. Например:

бараняча кожа – овеча шкура – овчина (с. 42);
деревляна хижка – дерев'яна хата – бревенчатый дом (с. 57);
дуже силный – дуже сильний – очень сильный (с. 62);
взяти на ся шапку – одягнути шапку – одеть шапку (с. 48).

Кідь дають та бери, а кідь бють та утікай – Як дают – бери, а як б'ють, то тікай – Если дают – бери, а бьют – беги (с. 81).

Безусловно, словарь иллюстрирует сходство общеславянской лексики в трех близкородственных языках — русском, украинском и карпаторусинском. С другой стороны, он красноречиво демонстрирует лексические отличия (а также частично отличия на уровне идиом) карпаторусинского языка как от русского, так и украинского. Словарь Д. Попа является еще одним доказательством самостоятельности карпаторусинского языка и основой для будущего академического трехязычного словаря.

Следующее издание — «Словарь русинського языка» в пяти томах⁵ Юрия Чори — относится к разряду солидных многотомных изданий большого формата (А4). Впечатляет и объем изданного в Ужгороде пятитомника — 2848 страниц печатного текста. По томам он выглядит так:

Том 1: А–Б–В–Г–Д–Е–Є–Ж (2013, 444 с.) – тираж 100 экз.;

Том 2: З–И–І–Ї–Ы–К–Л–М (2014, 568 с.) – тираж 150 экз.;

Том 3: Н–О–П (2015, 596 с.) – тираж 80 экз.;

Том 4: Р–Р (2015, 692 с.) – тираж 80 экз.;

Том 5: С–Т–У–Ф–Х–Ц–Ч–Ш–Щ–Ю–Я (2016, 548 с.) – тираж 80 экз.

Ниже, в качестве примера, приведем словарные записи (имя существительное, имя прилагательное и глагол) из словаря Ю. Чори:

клінецъ (-ця), ч. = **кліниць** (-я), ч. – гвіздок: *Клинецъ (клиницъ) быв доста великый из файнов головок.*

клишонóгый (-а, -ое, -і) = **клешонóгый** (-а, -ое, -і) – клишоногий: *З гавры виліз клишоногый (клешоногый) ведмідь.* [ошибка, правильно: *медвідь* – В. Падык]

кліпати (-ву, -єш, -є, -єме, -єте, -вуть) = **кліпкати** (-ву, -єш, -є, -єме, -єте, -вуть) – 1) кліпати: *Баба мовчки слухала фігли молодых и лем кліпала (кліпкала), ги сова.* 2) При повчанні: *Не кліпай (кліпкай) фрайирці очима, кіть жона за плечима.* 3) У переносному значенні – а) мигтіти: *В нўчному небі заворожено кліпали (кліпали) звїзды;* б) мигати: *На жону сіпать, а на лобку кліпать (кліпкать); В Хыжи на припічку слабо кліпала (кліпкала) лампа; -ся: Ледвы ўв кліпалося (кліпкалося) заспаными очима.*

Как видим, после каждого заглавного имени существительного подается форма склонения в родительном падеже, для имени

---

5 Необходимо заметить, что до этого (для ознакомления общественности) предварительная версия того же «Словаря русинського языка» (в 6 томах) в 2002–2009 гг. была распечатана на принтере (и сшита в тетради) символическим тиражом — около десяти экземпляров, один из которых находится в фондах Закарпатской обласной универсальной научной библиотеки в Ужгороде.

прилагательного — парадигма склонения по родам и числам, а для глаголов — спряжения по лицам и числам. И хотя данная дополнительная информация является скорее прерогативой грамматик, помещенная в словаре, она существенно облегчит работу пользователю, особенно если для него карпаторусинский язык — не родной.

Автор словаря Юрий Чори — писатель с многолетним опытом. Поэт, прозаик, драматург, публицист, фольклорист — спектр его творческих интересов достаточно широк, а владение языком не вызывает сомнений. Объем «Словаря русинського языка» Ю. Чори составил около 250 тысяч слов. В какой-то степени это утверждение автора настораживает; к нему необходимо отнестись скептически. Например, одиннадцатитомный «Словник української мови», изданный в 1970–1980 гг. в Киеве солидным коллективом авторов Института языковедения АН УССР под редакцией акад. Ивана Билодида, насчитывает всего 134 тысячи слов (в т.ч. устаревшая лексика). Лексемы подтверждены употреблением в произведениях украинской художественной и переводной, научной, научно-популярной и учебной литературы, фольклора, публицистики, в справочниках, мемуарах и т.д. и опираются на многомиллионную картотеку лексем украинского языка.

Не ставим под сомнение важность данного типа карпаторусинских словарей, фиксирующих состояние языка на сегодняшний момент. Отметим однако, что, на наш взгляд, такой словарь должен был бы стать заключительным аккордом возрождения карпаторусинской лексикографии. Ему должны были бы предшествовать солидная работа по составлению картотеки лексем языка на основе богатого литературного наследия. В этом процессе (и составления картотеки, и написания словаря) должны были бы ангажироваться многие языковеды, а не один писатель Ю. Чори. К тому же не имеющий опыта лексикографической работы. В данном же случае словарь никоим образом не опирается на картотеку лексем карпаторусинского языка, поскольку ее у автора нет. Поэтому в качестве цитат в словаре находим предложения, придуманные самим автором. И не всегда удачно. Это же условие (когда автор не опирается на опыт предшественников) является причиной многих иных негативных последствий, которые наблюдательный лексикограф легко обнаружит в словаре.

Поскольку отсутствует какое-либо болем или менее внятное вступительное слово, пользователь остался без комментариев автора, которые бы сориентировали в поиске. Грамматические пометки частично присутствуют, а стилистические — нет. Трудно сказать также, о каком типе словаря идет речь. Если двуязычный (русинско-украинский), то почему украинское соответствие стоит не после каждого заглавного слова? Например, из четырех заглавных слов (*автопортрет*, *автопортретіст*, *автопортретістка*, *автопортретний*) переводом на украинский язык снабжено лишь первое слово. Но тут же (по соседству) все четыре заглавных слова (*автор*, *авторка*, *авторство*, *авторський*) снабжены украинским соответствием.

Речь также не идет о толковом словаре. Если же данный словарь (пусть с натяжками) отнести к иной группе — нормативным словарям, возникает вопрос, действительно ли он фиксирует реальную норму карпаторусинского языка? Свои опасения проиллюстрируем несколькими примерами.

Слово из русского языка *посетить* и его производное *посетитель* (*-ница*) имеет в русинском языке несколько соответствий, например: *навицивити*, *навидіти*, *візитовати* и производное *навицивитель* (*-ка*). Автор фиксирует (т. 3) данное слово, пусть и с ошибкой — *нацивити*, хотя при этом забывает внести в словарь производные слова *навицивитель* (*-ка*). Вместе с тем в ином месте (т. 4) автор предлагает как нормативное слово (соответствие русскому слову *посетить*) глагол *посітити* и его производные *посітитель* (*-ка*). Иные русинские словари (в т.ч. Керчи и Попа) не фиксируют такой нормы; употребление слов *посітити*, *посітитель*, *посітителька* и подобной лексики следует рассматривать как факт ассимиляции или слабого владения родной речью, но не как норму карпаторусинского языка.

Слово из русского языка *гравий* вошло в обиход в советские времена и связано с разработкой камня. Даже если носитель карпаторусинского языка использовал этот русизм в официальных случаях — например, при покупке, чтобы точно обозначить фракцию дробленого камня (гравий, щебень и т.д.), в обиходе он пользовался карпаторусинской лексикой (*рiнь*, *рiньча*, *шутер*, *клинциївка*, *мучка*).

Если представить, что слово *гравій* вошло таки в словарный состав современного русинского языка, то гипотетически производным от него может быть имя прилагательное. Подчеркнем: гипотетически, но не обязательно. Ю. Чори вводит в словарь слово *гравійный* (почему не *гравійовый*? – В. Падяк). Русинские словари не фиксируют лексемы *гравій*, ни тем более — *гравійный*. Не понятно, на каких основаниях Ю. Чори эти и сотни подобных лексем вносит в свой русинский словарь? В качестве иллюстрации автор придумал «искусственное» предложение (*Прохожовалися гравійним берегом озера*), хотя русины так не говорят. Скорее, скажут, используя словосочетания, «ходить по зарінку», «на зарінку річки», «ріньча під ногами» и т.д.

К сожалению, факт подобного субъективизма, когда в словарь вводится явно иноязычная лексика лишь на том основании, что автор так считает, может стать причиной ассимиляции — дезориентирует носителя языка и тот отдаст предпочтение чужому — во вред своему.

Впрочем, описание словаря Ю. Чори хотелось бы завершить на позитивной ноте: надо отдать должное автору — им проделана огромная работа; фактически, это работа целого научного института.

Схожий словарь, но существенно меньший по объему, составил и издал в Тернополе Игорь Дуда. Данный «Лемківський словник» (2011, 376 с.) вмещает 26 тысяч наиболее употребляемых лемковских слов. Слова сгруппированы в 10760 статьях. Словарь адресован лемкам, поскольку они, выселенные в 1945–1946 гг. на Украину, постепенно ассимилируются и забывают свой язык.

Также, как словарь Ю. Чори, «Лемківський словник» И. Дуды можно отнести к двуязычным украинско-русинским (лемковским) словарям с той только разницей, что тут для каждой украинской опорной лексемы подается одно или больше лемковских соответствий. Поиск лемковской лексики возможен лишь по опорному (т.е. украинскому) слову. Поэтому словарь доступен, в первую очередь, пользователям, владеющим украинским литературным языком, что, впрочем, характерно для всех выселенных на Украину лемков. Однако иным пользователям работать со словарем не очень удобно — нужен обратный лемковско-украинский словарь. Что суще-

ственно бы расширило число его пользователей, особенно тех, кто работает с лемковскими текстами и нуждается в толковании лемковских слов.

Показательно, что в современной Украине никто из украинистов не пытался воспрепятствовать публикации словаря И. Дуды. Как это было, например, со словарем карпаторусинского языка Ю. Чори, которого оппоненты не раз обвиняли в попытке создать «украинско-украинский словарь» или в желании доказать существование отдельного карпаторусинского языка — четвертого восточнославянского. Экспертные заключения тогда подписывали маститые и не очень ужгородские украинисты д.ф.н. П. Чучка, д.ф.н. И. Сабадош, д.ф.н. Л. Белей, к.ф.н. Б. Галас, к.ф.н. И. Филак, к.ф.н. Г. Шумицкая, а от Института языкознания в Киеве — член-корреспондент НАН Украины В. Нимчук. Свои выводы они мотивировали тем, что «в словаре Ю. Чори этого мнимого языка подавляющее большинство слов совпадает с украинскими литературными словами (отдельные слова отличаются лишь фонетически, морфологически, но не лексически)».⁶

Однако лексические отличия, хотя и важный, не во всем и не всегда (особенно, когда речь идет о близкородственных языках!) надежный инструмент различения языков. Хотя бы потому, что в каждом языке в большей или меньшей степени присутствует заимствованная лексика (например, полонизмы в украинском языке). Кроме того, в славянских языках основу словарного запаса составляет общеславянская лексика. Поэтому важно учитывать и особенности словообразования, и морфологические и фонетические отличия, и отличия на уровне идиом и фразеологических конструкций. Но даже в этом случае следует признать, что нет лингвистических критериев в полной мере отличить диалект от языка. Скорее

---

⁶ Нам ничего не известно о том, было ли данное экспертное заключение опубликовано в печати. Единственное, что удалось обнаружить, это публикация в интернете. Смотри: «*Експертна оцінка «Словаря русинського языка» Ю. Чорі (Ужгород, 2002–2008)*». Online: <http://zakarpatty.net.ua/News/90349-Slovar-rusynskoho-iaz%D1%8Bka-Iu.-Chori-naspravdi-ivliaie-soboju-slovyk-ukrainskoi-movy>

речь может идти лишь о психологическом аспекте, когда этнографическая группа идентифицирует себя отдельным от соседей народом со своим языком (македонский – не болгарский, кашубский – не польский).

Идеологическая составляющая карпаторусинистики объясняет различие в позиции Украины по отношению к первому и второму автору. В понимании И. Дуды объектом его научного интереса является «лемковский диалект украинского языка», т.е. косвенно отрицается существование карпаторусинского народа и его языка. В понимании Ю. Чори — карпаторусинский язык — это четвертый восточнославянский язык.

В последнее время в Ужгороде издан ряд вспомогательных словарей. Так, М. Алмаший издал пособие для журналистов, редакторов газет и учителей — «Орфографично-орфоепичный словарь русинського языка» (2014, 176 с.). Автор подал в алфавитном порядке около 3500 слов, а в квадратных скобках — их произношение. Еще один небольшой словарь (основная часть занимает всего тридцать страниц) выпустили М. Алмаший и М. Ухаль — в Ужгороде вышел их «Русинсько-російсько-українсько-латинський словарь лінгвістичної термінології» (2014, 76 с.).

Появились также несколько словарей, фиксирующих лексические пласты в отдельных населенных пунктах — в Закарпатье и на Лемковине (ныне в Польше). К ним можно отнести «Словник закарпатської говірки села Сокирниця Хустського району» Ивана Сабадоша (2008, 480 с.), «Словариць: Говірка Синевірської Поляни» Михаила Бембило (2016, 96 с.) и «Словник села Тилич на Лемківщині» Евгении Турчин (2011, 384 с.). В последнем случае речь идет об уже не существующем селении, жители которого (как и все население Лемковины) были выселены на Украину в 1945 г. Также краткий словарь лемковской лексики под названием «Короткий словник лемківських говірок» Петра Пиртея подготовила к изданию и опубликовала в Ивано-Франковске Е. Турчин (2004, 364 с.), а небольшой толковый словарь карпаторусинских слов под названием «Сучасний русинський тисячослов» (2014, 208 с.) издал в Мукачево Емельян Курта.

Закарпатские (подкарпатские) и лемковские лексикографы продемонстрировали результативную работу и в области фразеологии. В создании словарей участвовали Дмитрий Поп, Галина Ступинская и Ярина Быткивская. Также Юрий Чори готовит свой многотомный словарь под названием «Фразеологізми русинського языка».⁷ В Ужгороде изданы трехязычные (объединенные в одном томе) «Русинсько-українсько-руський і русско-русинско-український фразеологічні словари» (2011, 244 с.) Д. Попа. В Тернополе издан лемковский фразеологический словарь под назвой «Фразеологічний словник лемківських говірок» (2013, 464 с.).

Лексикографические издания — результат пристального внимания лингвистов к проблеме возрождения карпаторусинского языка после 1989 г. Власти всячески стараются воспрепятствовать этим процессам. И хотя запрет на национальность «(карпато)русин» в Украине протекает в мягкой форме, тем не менее научно-исследовательские институции и университеты для исследователей карпаторусинской ориентации закрыты, а приток творческой молодежи в карпаторусинскую научную среду — сильно ограничен. Все это объясняет часто полудилетантский характер научных публикаций. Хотя, с другой стороны, результаты действительно удивляют. Ведь все написано и издано не «благодаря», а «вопреки».

Подготовка грамматик

Создание грамматик — это язык компромиссов. Особенно это актуально, если говорить о нормировании подкарпаторусинского языка. В силу исторических обстоятельств и несинхронного возрождения карпаторусинской национальности в отдельных регионах проблему кодификации языка карпаторусинские общины после 1989 г. решают

---

⁷ В 2015 г. издан двухтомник «Фразеологізми русинського языка» Ю. Чори, охвативший все буквы алфавита — от А до Я. Однако впоследствии вышли дополнительные материалы, собранные уже после завершения работы над двухтомником: третий том (2015 г.); четвертый том (2016 г.); пятый том (?) и шестой том (2018 г.). Данное издание трансформировалось в шеститомник. Тираж — от 80 до 100 экз.

каждый самостоятельно. В основу общей языковой политики положен принцип так называемого «третьего пути» — создания литературной (письменной) нормы на основе местных диалектов. В Сербии и Хорватии эта проблема была решена еще в 1923 г. В Словакии письменный карпаторусинский стандарт был кодифицирован в 1995 г. Свой орфографический стандарт предложили также научные карпаторусинские общества в Польше и Венгрии.

Процесс стандартизации подкарпаторусинского языка в Украине был начат еще в 1999 г., когда в Мукачево была издана грамматика подкарпаторусинского литературного языка под названием «Материнський язык» (Алмаший – Керча – Молнар – Попович 1999). Со временем авторский коллектив распался и никто из его членов в отдельности не продолжил начатое дело. Лидер данного авторского коллектива Игорь Керча реализовал главные разработки грамматики в своих лексикографических трудах, а также в литературно-художественном творчестве. Среди важных решений грамматики «Материнський язык» можно считать отказ от этимологического принципа орфографии (характерного для так называемого язычия XIX – начала XX столетия) в пользу принципа морфемно-фонематического.

Главной чертой всех четырех подкарпатских диалектов (и трех языковых вариантов) карпаторусинского языка является их абсолютная близость. Различаются такие диалекты: Мараморошский, Берегский, Верховинский и Ужанский. Носитель одного диалекта легко поймет носителей остальных, и наоборот.

Особенность, вокруг которой сосредоточены почти все дискуссии об орфографической норме, сводится к адекватности обозначения на письме звука, который появляется в новозакрытом слоге, хотя в открытом слоге в данной позиции он всегда звучит как [o], например: *кóні, нóчі, мочі*. Троякое произношение, в каждом диалекте по-своему: то как [y] (*кунь, нуч, муз*), то как германский у-умлаут [y̥] (*кўнь, нўч, мўз*), то как [i] (*кiнь, нiч, мiз*) вызывает бурные дискуссии участников стандартизации.

И. Керча на основании того, что [y̥] является лишь вариантом (аллофоном) звука [y], в данной позиции употребляет всегда [y]. Грамматика «Материнський язык» также настаивает на этом стандарте.

В 2005 г. появилась грамматика, совмещенная с Евангелием от Матфея, да к тому же с параллельным переводом на английский язык (Сидор 2005). Автор этого издания прот. Димитрий Сидор (хотя участие в создании принимали и другие языковеды-аматоры) предполагал, что его грамматика будет полезной карпаторусинам Украины и Центральной Европы, а также американским карпаторусинам. Аляповатое издание, выполненное на очень примитивном издательско-полиграфическом уровне, с большим числом недоработок, орфографических и пунктуационных ошибок, тем не менее заполнило вакуум, образовавшийся после распада коллектива первой грамматики. Анализу грамматики Д. Сидора мы уже уделяли внимание (Падык 2006), поэтому лишь вкратце дополним, что данное издание отдает предпочтение аллофону [j̥] вместо звука [y]. Это не что иное как стремление «уравнять» носителей мараморошского диалекта с носителями берегового диалекта. И для этого в алфавит была внесена буква Ъ-̆. Она произносится двояко: одни будут выговаривать звук [y], в то время как другие — звук [j̥].

Совсем недавно появились еще три публикации, напрямую связанные с проблемами стандартизации письменного (литературного) языка. В 2013 г. Надя Печора издала в Ужгороде учебник «Русинський язык» для учащихся карпаторусинских народных школ (Печора 2013). Это так называемая «школьная грамматика»; учащиеся будут ею пользоваться до момента кодификации карпаторусинского языка, хотя серьезных предпосылок для кодификации в ближайшей перспективе не прослеживается. Суть школьной грамматики в том, чтобы сохранять диалектные особенности всех трех языковых вариантов (для каждого диалекта — свои черты.⁸ Для этого введены два сигнальных знака — [i̯] и [o̯]. На письме носитель, например, мараморошского диалекта вместо сигнальных знаков [i̯] и [o̯] напишет букву **У-у**: *свіу* – *свуй*, *вечіу* – *вечур*, *о̀дходити* – *удходити*, *о̀тцюзнина* – *утцюзнина* и т.д. Данное нововведение позволило приступить к массовому изданию учебников для народных школ, не дожидаясь кодификации.

---

⁸ В создании данного стандарта участие принимал также В. Падык.

В 2014 г. в Ужгороде стараниями Анны Мегелы появилась «Грамматика русинського литературного языка» (Мегела 2014). Как пишет во вступительном слове А. Мегела, ее грамматика «заточена» под кодификацию карпаторусинского языка. Третья изданная недавно брошюра — «Правила русинського правописаня» М. Алмашия (Алмаший 2014), которая также, как и грамматика А. Мегелы, должна, по замыслу создателей, способствовать кодификации языка.

Камнем преткновения для всех ныне существующих грамматик является алфавит и, соответственно, фонетика. Даже такая деталь, как место буквы **ы** в азбучном порядке, не всегда находит понимание у лексикографов и авторов грамматик. Например, в словарях И. Керчи буква **ы** стоит в конце русинского алфавита: *ъ, ы, ъ, ю, я*. А у остальных авторов она находится в первой половине азбуки — там, где ей, собственно говоря, и надлежит быть — в одной связке с буквами *і, ї, и, ы, й*.

Или, например, буква **ъ** (твердый знак). В грамматике «Материнський язык» она отсутствует; ее функция возложена на мягкий знак: *роз'яснити*. В словаре И. Керчи буква **ъ** присутствует (*роз'ясняти*). В словарях Ю. Чори и Д. Попа — ее нет (*розяснити*); то же самое наблюдаем в изданиях А. Мегелы (*зів, зівши*) и М. Алмаша (*об'єднаня, под'язати, зюдити*). Наконец, Н. Печора (вслед за И. Керчой) считает, что отсутствие твердого знака усложняет произношение слов, где после префикса, оканчивающегося на согласный, стоит корень, начинающийся на йотированный гласный. Поэтому в данной позиции Н. Печора рекомендует употреблять **ъ**: *роз'їсти, роз'язати, об'єдинити*.

Еще один пример несогласованности позиций грамматиков — буква **Ё-ё**. Эту букву находим во всех грамматиках, кроме А. Мегелы и М. Алмашия.

Также находим ее во всех словарях, кроме словарей Ю. Чори и Д. Попа. Соответственно, там, где этой буквы нет, на письме ее должно заменить сочетание букв *йо* или *ьо* (*зайойкати, Турційов, район, сер'юзный, танцювати, трьох, синьоє*). Сравни употребление в той же позиции: *ёго, твоёго, теорієв, вышнєму, дієвий, боєвати, Ёлана, Ёвжі*.

Такою же (или еще большую!) несогласованность можем наблюдать при употреблении буквы **Ї-ї**. Например, в грамматике Д. Сидора этой букве отводится чисто номинальная роль, поскольку ее дублируют реанимированная автором буква **Ъ-ѣ** или же сочетание *йи (ьы): вѣчный, в пучинѣ, завѣсити, Украйна, своим, пойти, дойти, третий, осинный*. И только в род. падеже множественного числа встречаем у Д. Сидора букву *ї: Николаїв, олаїв, гаїв*.

Запутанным остается также употребление согласной (гортанной) буквы **Г-г** (*граматика – граматика; термінологія – термінологія*), а в некоторых позициях — мягкого знака после согласной *л (языкознательный – корольський; учительський – учительський)*. Все выше упомянутое и многое другое, а также введение в алфавит «специфических карпаторусинских» букв приводит к тому, что от грамматики — к грамматике, от словаря — к словарю количество букв алфавита всегда иное. Например:

- 1999 г. – «Материнський язык» (35 букв);
- 2005 г. – Д. Сидор. «Грамматика русинського языка» (39);
- 2007 г. – И. Керча. «Словник русинсько-руський...» (36);
- 2013 г. – Ю. Чори. «Словарь русинського языка» (35);
- 2013 г. – Н. Печора. «Русинський язык» (36);
- 2014 г. – А. Мегела. «Грамматика русинського ... языка» (35);
- 2014 г. – М. Алмаший. «Правила русинського правописання» (35).

Несогласованность позиций грамматистов и лексикографов, разрозненность их усилий обусловлена изолированностью друг от друга, часто/густо идейной, методологической или возрастной несовместимостью. Трудно представить их работающими вместе — в одной языковой комиссии! Разновекторность их позиций в прогнозируемом будущем не изменится. И даже если одна группка заявит о кодификации своей нормы письменного подкарпаторусинского языка, это вряд ли станет позитивным сигналом для всех остальных грамматиков, лексикографов, писателей, поэтов, публицистов, научных работников, практикующих карпаторусинский язык и придерживающихся «своей» нормы. Чтобы побороть этот лингвоэгоизм, вероятно, необходимо, чтобы теоретические наработки были подкреплены мощной полиграфической деятельностью — изданием ежедневной газеты, поддержкой книжных проектов, переизданием

художественных произведений предыдущих эпох, содержанием интернет-ресурсов — и все это в новом языковом стандарте, который еще должен продемонстрировать свою уместность, гибкость и живучесть. Без поддержки государства добиться этого в ближайшей перспективе не представляется возможным.

Расширение ареала использования письменного стандарта

Последнее десятилетие отмечено стремлением карпаторусинских элит расширить ареал использования письменного стандарта. Таким важным начинанием стало открытие карпаторусинских воскресных (народных) школ. Школа — это один или несколько классов, которые открыты на базе общеобразовательной государственной школы в данной местности. По договоренности с дирекцией такой школы ученики один раз в неделю после уроков (по желанию родителей) оставались еще на четыре урока карпаторусинского языка, литературы и истории карпатских русин и т.д. Спонсором такой программы выступил канадский меценат карпаторусинского происхождения Стивен Чепя, который согласился поддерживать проект в течение десяти лет, начиная с 2003 г. Проблеме становления русинской народной системы образования мы посвятили отдельную публикацию (Падык 2013). В 2007 г. системой образования было охвачено почти 900 учеников в 40 школах. После раскола в 2008 г. школ стало меньше, однако в 23–26 школах все еще обучалось почти 500 учеников. Проект должен был продемонстрировать Украинскому государству перспективность карпаторусинского школьного образования и снять опасения властей по поводу карпаторусинского образования как потенциального очага сепаратизма. Проект после 2013 г. еще какое-то время существовал без финансирования; последний школьный выпуск состоялся в июне 2017 г.

Система народного образования предполагает подготовку учебной литературы. Было выпущено шесть оригинальных учебников, таких как «Слово за словом: практична граматика русинського языка» (2004, 24 с.) и «Живое слово: читанка для русинської недільної школи» (2004, 30 с.) (оба составил М. Алмаший); «Наша

Отцюзна: Історія карпатських русинув» (2005, 52 с.) и «Народ нывыдкы: ілюстрована історія карпаторусинув» (2007, 120 с.) (оба составлены П.Р. Магочи). В последние годы учебная литература издавалась согласно школьной грамматики Н. Печоры «Русинський язык» (2013). Так, Валерий Падяк подготовил книгу для чтения «Літературний кошичок: Читанка» (2013, 112 с.).

Основой народной школы стало обучение карпаторусинской молодежи родному языку. Уроки карпаторусинского языка — важный механизм внедрения письменного стандарта. Школа с 2013 г. разработала свой вариант литературного (письменного) стандарта и придерживалась его в педагогической деятельности. Время от времени в украинской прессе появлялись скандальные публикации с требованием запретить карпаторусинские школы (Падяк 2013: 5).

К сожалению, в области журналистики карпаторусинам в Украине похвастаться нечем. Единственная газета «Подкарпатский русин» (2005–) издается в Ужгороде нерегулярно, в лучшие свои времена она выходила раз в два месяца на четырех или восьми страницах. В 2005–2014 гг. вышло всего 63 номера. Газета демонстрирует нечеткую языковую политику — часто в номере доминирует украинский язык, а часть статей подается по-русски. И лишь немногие материалы написаны по-карпаторусински. Редакционная работа ведется слабо, о каком-то едином письменном стандарте карпаторусинского языка говорить не приходится. Например, от номера к номеру одну и ту же лексему можно встретить в пяти вариантах: *кінь* (укр. яз.), *конь* (рус. яз.), *кунь*, *кўнь*, *кінь*.

Сфера научных публикаций также практически не заполнена. Тут в секторе гуманитарных наук появились всего несколько изданий книжного формата, о большинстве из которых мы писали выше. Так, речь идет о публикациях А. Мегелы, Н. Печоры, В. Падяка, Д. Попа, Ю. Думнича и др.

С 2000 г. в Ужгороде существует частное предприятие — «Издательство Валерия Падяка», которое продвигает карпаторусинскую продукцию на книжном рынке. С 2005 г. тут изданы на карпаторусинском языке книги: «Николай Бескид на благо русинів», составитель Г. Бескид (2005, 180 с.), «Народ нывыдкы» П.Р. Магочи (2007, 120 с.), «Возроджіня русинського ошколованя на Подкарпатській

Руси (2003–2008)» В. Падяка (2008, 36 с.), «Українізація школи на Пудкарпатській Русі пуд час Чехословацького періода» Ю. Думнича (2009, 52 с.), «Русине, віруй!» В. Танчинца (2010, 64 с.), «Пацаловська республіка» Д. Кешели (2011, 256 с.), «Авар лярмач» сербского поэта Секуле Шарича в переводах Владимира Бесермини (2012, 40 с.), «Зоз писню поведзене» В. Бесермини (2013, 96 с.), «Літературний кошичок: Читанка» В. Падяка (2013, 112 с.), «Русинський язык» Н. Печоры (2013, 144 с.) и др.

В контексте становления письменной нормы хотелось бы также отметить еще одну книгу — солидное научное издание профессора Тартуского университета Александра Д. Дуличенко «Письменность и литературные языки Карпатской Руси (XV–XX вв.)» (2008, 908 с.), которое в диахронном плане представляет более полутысячелетнюю историю становления письменности Карпатской Руси.

При «Издательстве В. Падяка» действует Центр карпаторусинских исследований; с 2013 г. он выпускает серию «Русинське факсіміле», которая знакомит современного читателя с русинскоязычными книгами предыдущих эпох (1848–1944). Вышли три книги, а именно пьесы: «Добродітель превышає богатство» Александра Духновича (2013, 68 с.), «Свадьбов ся начинат и свадьбов ся скончит» Иосифа Кизака (2013, 60 с.) и «Овчарь» Владимира Грабаря и Михаила Лугоша (2017, 112 с.). Наконец, Центр карпаторусинских исследований выпустил два тома библиографического указателя, фиксирующего все карпаторусинскоязычные издания в мире (кроме Сербии и Хорватии), начиная с 1989 и по 2014 годы (Ильченко 2007; Ильченко, Падык 2015).

Расширение карпаторусинского книгоиздания и возрастающий спрос на продукцию карпаторусинских авторов создали ситуацию, когда иные частные издательства с интересом стали относиться к предложениям публиковать книжную продукцию, ориентированную на карпаторусин и на карпаторусинском языке. Например, оба словаря И. Керчи, о чем мы говорили выше, напечатало ужгородское издательство «ПоліПрінт», а «Словарь русинського языка» Ю. Чори — издательство «Іва».

Несмотря на неблагоприятные политико-правовые последствия непризнания карпаторусинского этноса в Украине, подкарпатору-

синская інтэлігенцыя ў Закарпатскай абласці прыкладае немалыя зусілля ў справе відроджэння сваёй нацыянальнасці і функцыянавання карпаторусінскага мовы. Выданне прадзвешаных сучасных пісатэлей, адкрыццё народных школ, падрыхтоўка школьных падручнікаў, лексікаграфічныя выданні і напісанне сучасных граматык — усё гэта важныя атрыбуты становлення літаратурнага (пісьменнага) карпаторусінскага мовы ў апошняе дзесяцігоддзе. І заклад паспяховай кодфікацыі пісьменнага стандарту. Нічога, пры гэтым, карпаторусінам не абяцае лёгкага шляху.

Бібліяграфія

- Алмашый 2014 – М. Алмашый. *Правіла русінскага правапісання*. Ужгород: Закарпатскае абласнае навука-культуролагічнае таварыства ім. А. Духновіча.
- Алмашый – Керча – Молнар – Поповіч 1999 – М. Алмашый, І. Керча, В. Молнар, С. Поповіч. *Материнський язык. Писемниця русінскага мовы*. Мукачова: Таварыства ім. А. Духновіча.
- Ільченко 2007 – Л. Ільченко. *Бібліяграфія русінскамоўных: 1989–2004*. Ужгород: Выд-во В. Падыка.
- Ільченко – Падык 2015 – Л. Ільченко, В. Падык. *Бібліяграфія русінскамоўных выдань: 2005–2014*. Ужгород: Выд-во В. Падыка.
- Керча 2007 – І. Керча. *Словник русінска-руський. Русінско-руський словарь*. У 2-х тт.; Ужгород: ПоліПрінт.
- Мегела 2014 – А. Мегела. *Граматыка русінскага літаратурнага мовы*. Ужгород: Закарпатскае абласнае навука-культуролагічнае таварыства ім. А. Духновіча.
- Падык 2003а – В. Падык. Праблемы, здобуткі та перспектывы выдавецкай справы на Закарпатці ў кантэксту сучаснага русінскага нацыянальна-культурнага Відроджэння. *Навуковы вiсник Ужгородскага ўніверсітэту*. Сэрыя: Історыя. Вып. 8, 165–171.
- Падык 2003б – В. Падык. Русінскамоўны выданні ў дзеркалі украінскай статыстыкі (1991–2002). *Руснацький світ*. *Навука-папулярны збірнік*. Т. 3, 30–33.
- Падык 2006 – В. Падык. Закарпатье (Подкарпатская Русь): праблемы і асабнасці функцыянавання русінскага літаратурнага мовы ў кантэксту нацыянальнага відроджэння. В: А.Д. Дуліченко, С. Густавссон (ред.). *Славянские литературные микроязыки и языковые контакты*.

- Материалы международной конференции, организованной в рамках Комиссии по языковым контактам при Международном Комитете славистов.* Тарту: Издательство тартуского университета, 265–284.
- Падяк 2013 – В. Падяк. *Русинська школа: відродження народної освіти.* Ужгород: Вид-во В. Падяка.
- Падяк 2016 – V. Paďak. Odstúpenie Podkarpatskej Rusi Sovietskemu Zväzu v roku 1945 ako tragédia národnostnej menšiny podkarpatských Rusínov, ktorá trvá dodnes. *Studium Carpato-Ruthenorum 2016: Študie z karpatorusínistiky* 8, 122–133.
- Петровцій 2009 – Чухран Михайил. *Антологія днишньої русинської літератури.* Ушорив И. Петровцій. Ужгород, 19–90.
- Печора 2013 – Н. Печора. *Русинський язык. 1–3 цвіт: про русинські школи п'ятьрічної системи народної освіти.* Ужгород: Вид-во В. Падяка.
- Сидор 2005 – Д. Сидор. *Грамматика русинського языка из Євангелієм от Матфея для русинів України, центральної Європы и Америки = Sydor D. Grammar of the Rusyn language for the Rusyns of Ukraine, Central Europe and America.* Ужгород: «Carpathian Rus».